

Наталья Павлинова

Обыкновенные чудеса

О людях, с которыми уютно, шепоте сердца
и о том, как грейпфрут может изменить жизнь

Секреты счастья (АСТ)

Наталья Павлинова

**Обыкновенные чудеса. О
людях, с которыми уютно,
шепоте сердца и о том, как
грейпфрут может изменить жизнь**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 159.92
ББК 88.53

Павлинова Н. А.

Обыкновенные чудеса. О людях, с которыми уютно, шепоте сердца и о том, как грейпфрут может изменить жизнь / Н. А. Павлинова — «Издательство АСТ», 2023 — (Секреты счастья (АСТ))

ISBN 978-5-17-156497-1

Мир кажется мрачным и озлобленным, в людях видится только плохое, а будущее вообще выглядит беспросветным? Не спешите разочаровываться в жизни. Может, просто стоит взглянуть на все под другим углом? Книга «Обыкновенные чудеса» растопит даже самые холодные сердца. Поможет избавиться от грусти, раздражительности, тревоги, взглянуть на мир с любовью и любопытством. Вы узнаете, насколько обманчиво может быть первое впечатление. Почему загадка старого маяка начинается с охапки белоснежных полевых цветов. Как облезлый кот завоевал сердце Маркизы. И неужели жизнь может измениться из-за обычного грейпфрута. Книга, которая наполняет верой в людей и доказывает, что на чаше весов доброе и светлое всегда перевешивает дурное. А еще учит видеть чудеса и маленькие радости, ведь именно из них строится наше большое счастье.

УДК 159.92
ББК 88.53

ISBN 978-5-17-156497-1

© Павлинова Н. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Вступление	6
Горечь удалить	8
Свекровь тебе – не мама	13
Доехать до бабушки	17
Дорога домой	19
Лопату жалко, или О странностях женской логики	22
Последнее дело матери	25
Через тепло ее дыхания	31
Простить сына	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Александровна Павлинова
Обыкновенные чудеса. О людях, с
которыми уютно, шепоте сердца и о том,
как грейпфрут может изменить жизнь

© Павлинова Н., 2023

© Борисова Д., фотография на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вступление

Иногда несчастный случай становится помощником в осуществлении многолетней мечты.

Одной левой я писала свои первые рассказы. Да-да! В прямом смысле. Моя правая рука была сломана после попытки сделать очередной пируэт на катке. «Ну, раз фигуристка из меня не вышла, стану-ка я писателем», – подумала я, хотя головой об лед точно не ударялась. И ничего, что работает одна левая рука, – она вполне себе попадала по клавишам. Зато мыслей, хоть и путаных, рассеянных, в голове была масса.

А еще появилась уйма свободного времени. Раньше его отсутствие было главной причиной, почему я не могла заняться тем, чем заняться давно мечтала.

Я не просто так окончила филологический факультет – книги всегда были моей страстью. Впрочем, думаю, как и вашей, дорогие читатели. Моя основная работа тоже с ними связана, я – библиотекарь.

Когда случился перелом, я почти на два месяца выпала из своей очень активной жизни. Занималась сочинением рассказов я, конечно, и раньше, но, скорее, для рабочих нужд или просто для себя.

А в этот период я создала блог и потихоньку начала рассказы публиковать. Если честно, такого роста читателей на канале, таких отзывов о моем творчестве я вообще не ожидала. Просто любила и до сих пор люблю сам процесс работы. Но аудитория выросла очень быстро.

Читатели давно рекомендовали издать рассказы, собрав их в книгу. Но мне казалось, что еще не время, еще не хватит сил и опыта. И когда поступило предложение от издательства

АСТ, я была и рада, и взволнована. Казалось – трудно будет справиться. Но я решилась. И вот книга вышла на ваш суд.

Как охарактеризовать мои истории? Это нелегко. Главное для меня – коснуться струн души читателя. И чтобы сердце, как камертон, отозвалось, пробудило калейдоскоп личных воспоминаний и ощущений.

Казалось бы – рассказы, написанные мной, такие разные. Об одних читатели пишут: «Я разревелась прямо сидя на работе», о других: «Так смеялась ночью, что разбудила мужа».

Но есть у них и общее: все они о нас с вами, все они о хороших людях и о том, что добра в мире намного больше, чем зла. Мои рассказы – о всеобъемлющей, живущей в наших сердцах любви, которая и есть самый великий стержень жизни.

Очень верю в то, что мое творчество оставит след в ваших душах, принесет радость и волнение. А лучше даже, если подскажет честные жизненные пути. Я ох как надеюсь на это!

Иначе – зачем писать?..

Горечь удалить

В супермаркете на кассе Николай пристроился за нерасторопной старушкой. Забежал на секунду, его уже ждала любимая Ксюха. Он взял бутылочку вкусного вина, шоколад и два крупных грейпфрута.

Мужчина спешил, а у этих старушек, видимо, времени – вагон. Бабушка перед ним очень медленно рассчитывалась за свои скромные покупки, рылась в кошельке, задавала пустые банальные вопросы кассирше.

Собирая продукты в авоську, рассыпала лук. Николай помог все собрать.

– А что это у вас такое? – спросила старушка, глядя на грейпфруты в корзине Николая.

– Это грейпфрут, бабушка, типа апельсина, только больше. – У Николая не было особого желания болтать, скорей бы рассчитаться – и к Ксюхе.

– Ну да, больше. Никогда не пробовала.

Она, наконец, отправилась к выходу. Заплатив, Николай вышел из магазина, сел в машину, завел мотор. И тут опять увидел ее – старушку, обходившую автостоянку и ни разу не пробовавшую грейпфрут. Ох ты, Господи!

Николай заглушил машину, достал из пакета фрукт и отправился к бабушке. Что за порыв вдруг? Николай и сам себе удивился.

– Бабушка, вот, возьмите, – и он сам положил ей в торчащий край авоськи грейпфрут. – Смотрите, попку ножиком отрежьте, там шкура толстая, а потом на дольки. Только мякоть кушайте, из дольки вынимайте ее, потому что горчит иначе. Горечь надо удалить.

– Да что ты, милый! Не надо бы... – но эти слова старушка говорила уже вслед проявившему неожиданную щедрость молодому человеку.

Николай быстро развернулся и ушел. А потом еще минуты три думал, что есть же у нас вот такие старушки, которые не могут позволить себе даже взглянуть в магазине на некоторые продукты. Удивительно для сегодняшних дней!

Но размышлял об этом он недолго. Закрутила встреча с любимой, суета будней и грандиозные планы на выходные. В воскресенье должна была произойти долгожданная встреча со старыми друзьями-одноклассниками.

Николаю было под сорок. Он был давным-давно разведен. Женился по молодости, обжегся о материальные трудности, нахватался тяжелого семейного быта досыта, нарвался на

конфликты с молодой женой и всей ее семьей. Повторять этот опыт не хотел. Хоть детей у них не появилось, и то хорошо.

Вырос Николай в простой семье, помогать ему было некому. И когда тесть в пылу ссоры назвал его нищепродом, было очень больно.

Мать Николая жила в поселке, а с нею и его старшая, тоже разведенная, сестра с двумя детьми, его племянниками. Сестра работала учителем, мать – пенсионерка. Им самим бы кто помог! Но женщины не жаловались, справлялись.

Николай навещал родню редко. Он впрягся в работу с головой – лишь бы вырваться из безденежья!

«А что, тесть не прав?» – размышлял потом Николай. Прав! У него, действительно, ничего нет.

После трудностей неудачной семейной жизни Коля решил: пока на ноги не встанет, о семье думать – не сметь! Долго копил на квартиру, отдавал кредит, менял работы. Сейчас устроился в серьезную компанию по установке дверей, и не просто рабочим – Коля являлся одним из ее руководителей.

Уже все утряслось – есть и жилье, и авто, приличные накопления на счетах – но какой-то страх перед браком все равно остался, горчинка такая. Никак Николай не мог насладиться свободной жизнью и тратами, не мог решиться на семью. У друзей уже повыврастали дети, а он все еще выбирал невесту и копил на счастливую жизнь.

Воскресную встречу ждал давно. Матвей – друг детства, не виделись лет сто. Глеб приедет из Москвы специально, а с Иваном, хоть он и живет здесь же, они встречаются редко – у того трое детей.

Дружба дружбой, но все равно хотелось показать и свой материальный достаток. Время сейчас такое, успешность жизни определяется именно им.

И потому Николай перед встречей заехал в салон и приобрел себе чуть ли не самую новую модель телефона.

Они с друзьями встретились в кафе. Засиделись до утра, из-за выпитого потеряли счет времени. Сначала не спеша, несколько вальяжно, перебирали свои достижения, потом жаловались на проблемы, пели песни, клеились к корпоративной компании женщин. И наконец, когда уже начали падать со стульев, засобирались домой. Как это часто бывает при подобных встречах старых друзей – слегка перебрали. Вернее, не слегка.

Николай еще помнил, как он Глеба и Ваньку грузил в такси, как клялся жене Матвея, приехавшей за мужем, что они «и выпили-то совсем немного», и что Матвей – его друг до доски гробовой. Так проникся этой клятвой, что даже плакал и бил себя кулаком в грудь.

А больше Коля ничего не помнил. Проснулся на автобусной остановке, рядом со скамьей, лежащим на земле. На дворе – ноябрь, сыкотно. Мужчина помнил, что кто-то его толкал и, наверное, пинал. Болело все, мимо ходили прохожие, какие-то женщины спросили, не плохо ли ему, и не вызвать ли скорую. Коля что-то промычал в ответ, перебрался на скамью и опять уснул сидя.

Потом проснулся окончательно. Замерз. Люди ждали транспорт, выходили и заходили в автобусы.

Николай проверил карманы – пусто. И нигде нет шапки. А она была дорогая – мужская зимняя кепка на натуральном меху. В пальто должен лежать дорогой телефон, купленный только вчера, бумажник с документами, немалыми деньгами и карточками. Ни телефона, ни бумажника не было. Николай огляделся – но потеря не нашлась. Хотел узнать время – часов на руке тоже не оказалось.

Погуляли!

Коле было нехорошо. Он с трудом поднялся и, сделав пару шагов, почувствовал что-то в ботинке. Чуть не упав от головокружения, наклонился и достал из-под ноги связку ключей. Ну, хоть они на месте!

Николай направился к Ксюхе, благо она жила неподалеку. Но любимой дома не оказалось, и ему ничего не оставалось делать, кроме как брести домой. Поймать бы такси, но, как назло, рядом машин не было.

С трудом поднявшись на свой четвертый этаж, Коля рухнул на кушетку в прихожей. «Вот идиот, – думал он. – Теперь и права, и паспорт надо будет восстанавливать! Часы не очень дорогие, а вот шапка, конечно, подороже». Больше всего он переживал за телефон и документы.

Потом добрался до кухни – хотелось пить. После пары стаканов стало полегче, и он улегся на диван.

Теперь можно было и подумать. Стоп! Николай резко сел, и острая головная боль заставила застонать.

Он вспомнил, что не поставил на новый телефон блокировку. А в бумажнике лежит листок, на котором четко написан код: «Сбербанк – ...» Коля недавно его сменил, боялся забыть. Это значит, что любой, кто овладеет его телефоном и карточкой, может зайти в Сбербанк и снять всю наличность, которую Николай копил годами!

– О-о-о, блин! – Он схватился за голову.

Теперь уже потеря документов, телефона, шапки и прочего казалась не такой значительной. Могли исчезнуть все накопления!

Надо было срочно заблокировать карточку! Но как, если под рукой нет телефона? Возможно, уже поздно. Сколько он провалялся на остановке? Все его сбережения давным-давно кто-нибудь снял! А на счету накопилась ох какая приличная сумма! На жизнь будущую – семейную. Все – коту под хвост...

Николай нацепил шлепки и вышел на лестничную площадку, постучался к соседям. Безрезультатно – тех не оказалось дома. Но Коле нужно было срочно позвонить в банк!..

Ближе всех жил Матвей, через дом. Коля начал натягивать ботинки, и тут что-то хрустнуло в носке. Он засунул туда руку и достал свернутый в несколько раз магазинный чек. На обратной стороне было написано: «Ваш телефон и бумажник у меня, ул. Северная, д. 8, кв. 17».

Николай не сразу даже сообразил, что это – спасение. Он отложил бумажку и еще несколько секунд продолжал собираться к другу, пока не понял – идти-то надо на Северную. Эта улица тоже была недалеко. Конечно, под окном стояла его машина, на связке имелись и ключи от нее, но Николая еще качало, права были утеряны, так что он отправился пешком.

Дверь подъезда оказалась с кодом, поэтому пришлось ждать, пока кто-нибудь из нее выйдет.

– А вы к кому? – спросила женщина, сморщившись от исходящего от Николая «аромата».

– Я в семнадцатую!

Женщина подозрительно посмотрела на него, но пропустила.

Дверь семнадцатой была обита старым выцветшим дерматином. Николай постучал по косяку. Открыли:

– Ой, ну слава Богу, очухался. А я тебя будила-будила! Все утро жду. И записку, значит, нашел?

– Нашел. Так это вы написали? – Николай переступил через порог.

– Сейчас. – Старушка, завернутая не то в одеяло, не то в шаль, углубилась в недра квартиры, а Николай прислонился к косяку. Ноги еще плохо держали.

Бабуля вынесла телефон и бумажник. Николай сразу заглянул внутрь кошелька: все на месте. Проверил счета – порядок.

А старушка рассказывала, как оправдывалась:

– Я рано встаю и, пока народу поменьше, прогуливаюсь. Хорошо, когда спят все. Машин нет, да и ветра тоже. Смотрю – а на остановке-то лежит кто-то. Поняла уж, что живой, выпимши сильно. Будила-будила, да где там! – Старушка махнула рукой. – Еще и какие-то рядом болтались, позже уж появились, не понравились они мне, думаю – обворуют ведь парня, и прикинулась, что вы мой сын. Говорю: «Вставай, Миш, вставай». Да разве вас добудитесь! – Бабуля перешла на вы. – Вот и села рядом, а сама на них кошусь, потихоньку бумажник и телефон забрала и записку вам в носок засунула. И ключи туда же пихнула.

– А шапку вы мою не забирали? И часы.

– Не-ет, вы замерзли бы, – разволновалась старушка. – В шапке вы были, точно в шапке. Не брала я. А часы вот вообще не видела.

Бабушка затревожилась. Вдруг на нее повесят кражу! Не зря же говорят: не делай добра, не получишь зла.

Николай тревогу старушки почувствовал.

– Что вы, бабушка, я не обвиняю. Видно, шапка с часами «ноги сделали», ну и ладно. Вы так меня выручили! Я уже не знал, куда бежать: и документы надо восстанавливать, и деньги могли бы уплыть со счета! – Николай с облегчением вздохнул и от того, что проблема, так неожиданно свалившаяся на него, разрешилась, весь как-то обмяк и, съехав по косяку, присел на пол.

– Да что ж ты! Давай-ка вот присядь. Не отошел еще, видать! Сейчас я тебе рассольчику капустного налью.

Николай вошел на кухню и присел на маленький табурет. И тут увидел на подоконнике аккуратно порезанные шкурки от грейпфрута. Стоя в темной прихожей, Николай даже не узнал в закутанной шалью старушке ту самую бабушку из магазина.

Он выпил рассол и, уже хитро улыбаясь, спросил:

– Как вам грейпфрут? Распробовали?

– Да горький. Угостили вот меня хорошие люди, а я думаю – за что его так любят? Горчит больно. Уж лучше яблочек себе с пенсии возьму.

И тут бабуля увидела хитринку в глазах Николая, догадалась, взялась за сердце и выдохнула:

– Так это ты че ли там, у магазина? Ну, вот те и на! Скажите, люди хорошие!

Они познакомились. Николай еще немного посидел, выслушал рассказ о том, как Зинаида Юрьевна позвонила соседке по подъезду, и как они вдвоем решили, что если хозяин не объявится, им нужно будет вместе в полицейский участок идти и под опись все сдавать...

– Я могу вас чем-нибудь отблагодарить?

– Нет, нет. Не надо ничего, – замахала руками бабушка. – Я ведь просто – от души. Жаль мне вас, молодых!

Николай взял ее номер телефона. Он уже понимал, что вернется. Сейчас стыдно почему-то было оставлять бабушке денег. Но, открывая хлипкую дверь, он окинул ее профессиональным взглядом и сказал:

– Зинаида Юрьевна, мы еще увидимся.

* * *

Через три дня к дому Зинаиды Юрьевны подкатил автомобиль с надписью «Двери вашей мечты». Николай набрал номер бабушки, и, когда она открыла подъезд, началась работа. Старые двери были безжалостно выломаны, а на их место встала новая – железная, теплая, с качественными замками. Всю отделку Николай завершал уже сам, возился до вечера. Он устал, но сейчас с плеч уходил какой-то груз – может, горечь прежних обид? Ему первый раз в жизни было ничуть не жалко денег.

К грейпфрутам Зинаида Юрьевна так и не пристрастилась, хоть Коля и научил ее правильно очищать горькие дольки. Но теперь мужчина регулярно завозил старушке яблоки, и часто в пакете с яблоками она обнаруживала хорошую колбаску или еще что.

– Вот хитрец! – досадовала она. Неудобно ведь! Но душой была рада.

– Добрый он, Коля-то, – говорила она соседке, а та каждый раз повторяла, что просто добро к добру тянется.

После этого случая у Коли тоже жизнь изменилась. Он сам это почувствовал. Исчезла обида на бывшего тестя, уже не хотелось никому ничего доказывать, и главное – с души упал какой-то камень. Николай чувствовал себя свободным.

И мать с сестрой вдруг заметили, что Николай им помогать начал деньгами. А раньше копил, да и вообще скуповат был. Теперь в гости стал чаще ездить, и непременно с коробкой грейпфрутов. Когда мать в первый раз, всплеснув руками, спросила, зачем столько, Коля ответил:

– А вдруг ты их не пробовала. Они вкусные, не горькие совсем, только есть надо уметь.

Вот и в жизни, как в грейпфруте, есть и сладость мякоти, и горечь пленки. Как ни крути, одно без другого существовать не может. Главное – научиться отделять.

Свекровь тебе – не мама

Они сидели, закутавшись в одеяло, на стареньком диванчике и пили чай с печеньем. В квартире стояла прохлада, и на плечи обоих были накинуты свитера.

Сегодня – выходной.

«Вот так бы и сидеть всю жизнь рядом с Витькой, – думала Аля. – Только так. Вдвоем – и никого-никого больше».

Аля и Витя еще не были женаты, оба заканчивали учебу. Аля – университет, Витя – военное училище. Летом намечалась свадьба.

– Когда к моим поедет? – вставил в разговор Витя, тем самым испортив Але настроение. – Нам сейчас свободное посещение объявят, можно отпроситься на недельку.

У Али тоже шло преддипломное время, и, в принципе, исчезни она на неделю – никто бы и не заметил. Но ехать не хотелось.

С родителями Виктора они еще не познакомились, а вот к маме Али уже съездили. И потому Витя имел полное право требовать знакомства и с его родителями перед свадьбой.

Но слово «свекровь» вызывало у Али бурный внутренний протест.

– Ты знаешь, я никогда не смогу назвать твою маму – мамой.

– Почему?

– Ну, потому что мама у меня одна – моя. И это – мой принцип.

Виталий не понимал, но и не спорил. Так – значит, так. Лишь бы любимая Аля была всегда рядом.

А у Альки были на такое странное поведение свои причины. Не личные, конечно, а семейные.

Бабушка, которая принимала самое непосредственное участие в ее воспитании, рассказывала ей о своей свекрови вот что.

Когда-то бабушка с севера «приехала замуж» в южно-русское селение. Следуя традициям, еще на свадьбе поклонилась в ноги родителям мужа и назвала их мамой и папой.

Видимо, приезжая невеста не очень семейству нравилась, планировали свою – местную. И свекровь начала невестку воспитывать.

Бабуля всю жизнь не могла простить одного: в пять утра, когда она, успокоившая беспокойное новорожденное дите, наконец-то засыпала, свекровь ее будила. Надо было собирать мужчин на работу. Каждая – своего.

Свекровь ставила в печку котелок с картошкой только для своего мужа – для свекра, а сына должна была кормить его жена. Готовился еще один котелок. Вот и толклись они обе у маленькой печки. И если молодая невестка отвлекалась на ребенка, не успевая что-то состряпать, ее молодой муж уезжал на целый день без еды. Свекровь была жестока.

– Свекровь, – вздыхала, вспоминая, бабушка, – это тебе не мама!

А мама Али и того пуще – виновницей развода с папой считала именно свою свекровь, которую тоже когда-то звала мамой. Папа был мягкий, и разорваться между требовательной матерью и женой так и не смог.

Мама пыталась спасти семью, но в ее адрес пошли такие оскорбления от свекрови!.. Пришлось расстаться. Мама растила Алю и ее младшего брата Андрюху одна.

«Хорошо, что Витька военный, и рядом со свекровью мы жить не будем!» – размышляла Аля. Но знакомиться и общаться, увы, придется. Хотя изначально уже настрой отрицательный.

Через некоторое время молодая пара ехала в далекие родные места Виктора – сначала на поезде, а потом на автобусе.

Дом Виктора находился в поселке под Воронежем. Места необычайно красивые, но Аля что-то волновалась, и все попытки жениха показать ей весенние картины и отвлечь ее от мыслей о предстоящей встрече были безуспешными.

Отец Вити встретил их на автобусной остановке. Он так крепко обнял Алю, что та от неожиданности даже растерялась.

Зашли в дом.

– Мать, встречай детей, – крикнул будущий свекор.

Из глубины дома выплыла полноватая женщина в фартуке поверх нарядной кофты. Она улыбалась и тоже подошла и крепко обняла Алю:

– Ну, здравствуй, дочка. Здравствуй, Альбина! Заходите, что стоять? Стол уж накрыт.

Видимо, традиция у них такая – все обнимаются. Але обниматься с плохо знакомыми людьми не хотелось, а еще имя Альбина она не любила, хоть и была таковой по паспорту. Ну да ладно. Стол, ожидавший их, сразу помог Але забыть все претензии. Но внутренний зажим остался.

Гостить они собирались всего пару дней.

Эти дни пролетели очень быстро. Гулять они особо не ходили – весенняя распутица. Только один раз навестили молодую семью сестры Виктора. Но у сестры только появился младенец, и долго засиживаться было неловко.

Отец Виктора показывал Але свои деревянные поделки – он увлекался резьбой по дереву. Сходили в баньку.

С Марией Федоровной, будущей свекровью, больше говорили о Викторе. Каким он был, как учился, как потерялся однажды в городе. В общем, тема Виктора была интересна обеим. Рассказывая, Мария Федоровна крутилась по кухне и хлопотала по хозяйству. Аля предлагала помощь, но будущая свекровь только отвечала:

– Сиди-сиди, ты в гостях, успеешь еще в семейной жизни набегаться.

Летом в городе сыграли свадьбу. Родителей молодого мужа мамой и папой Аля так и не назвала. Ее устраивало обращаться к ним и по имени-отчеству. А вот Виктор легко Алину мать стал называть мамой. Але показалось, что свекровь слегка обиделась, но виду не подала.

Для молодых начиналась новая самостоятельная жизнь.

Чего Аля ожидала от медового месяца с молодым офицером? Да, романтики. Но не такой, это точно.

Их распределили в Забайкальский военный округ. Аля к тому времени уже ждала первенца.

Там, в военном поселке, их сначала поселили в железный вагончик, стоящий прямо на территории части рядом с казармами. Алька взялась за его благоустройство с боевым настроем.

С трудом выбралась в ближайший райцентр, приобрела обои и кое-какую утварь. В вагончике все еще было очень тесно, но зато стало вполне себе уютно.

Но... пришла осень. Вагончик не отапливался. Они грели какую-то электропечку, которую притащил со склада Виктор, но и она не спасала... Обои поползли из-за сырости стен.

Их переселили в отапливаемый общей печью барак. Комнатка маленькая, но теплая. Кухня общая, большая. Удобства на улице, вода с колодца. Туда после тяжелых родов выросшая в городских условиях Аля и привезла сынишку Дениса.

И тут абсолютно неожиданно Виктора отправили в командировку. Надолго – в горячую точку.

Он уехал, а Аля, еще не оклемавшаяся после родов, осталась одна с малышом на руках, еще и практически без связи с мужем. Хорошо хоть какие-то деньги из его зарплаты можно было получить в бухгалтерии воинской части.

Алька стеснялась обращаться за помощью, она от рождения была упряма. Ей казалось, что она справится со всеми трудностями сама.

Начался март. Дверь барака постоянно заносили снегопады. Командование отправляло на расчистку снега солдат, но не регулярно. Чтобы сходить за водой или продуктами, надо было отгребать сугробы самой.

И ходить по заснеженным дорогам было нелегко, и ведра с ледяной водой для Али были слишком тяжелы... Но даже не это стало главной проблемой. Появились крысы. Их не было в комнате, но на кухне, в которой временно оказалась только Аля, они носились толпами.

Алька, у которой уже пропадало молоко, решительно выходила на кухню и с криками:
– Ой!.. Ай! Мамочка! – варила Дениске кашу.

А потом бежала в комнату и закрывалась там. Сидела на кровати и ревела, доедая то, что не съел сын.

Потом брала себя в руки. Она была уверена, что преодолеет и эти трудности.

Але нездоровилось. Дениске тоже. Что-то не шла сыну смесь, которую привозили ей из райцентра, а с молоком вообще была беда. Аля начала осознавать – она не справляется. Уже не было сил и желания готовить себе, навалился депресняк. Даже Дениска ее порой раздражал.

Аля написала Виктору, просила, чтоб он перевез ее домой к матери. Но его все никак не отпускали со службы. А одной с грудником в такое далекое путешествие пускаться было страшно.

Мама Али приехать и помочь не могла. У нее был сын-школьник, Алин брат, и, конечно, работа. Виктор нашел выход – позвонил своим родителям.

Однажды рано утром, когда Алька лежала в постели, вся красная и с высокой температурой, она услышала хруст снега за порогом. Кто-то расчищал дверь.

«Надо же! Нашлись, наконец, помощники», – подумала Аля.

Вставать и благодарить не было сил, она не спала ночью: Дениска маялся животиком, нормальные смеси так и не подвезли. Кормила уже и манкой, и молоком...

В дверь постучали.

Аля приплелась ко входу и на пороге увидела... Марию Федоровну.

– Ну, здравствуй, дочка! Вот я вас и нашла!

А найти их было не так-то просто. Свекровь искала невестку с внуком несколько часов, даже дошла до командования части.

Мария, хоть и только вернулась с долгой тяжелой дороги, наметанным взглядом сельского жителя (и просто мудрой женщины) сразу оценила обстановку.

Она крепко обняла невестку, потом потрогала ее лоб и куда-то удалилась. Алька плохо соображала, температура подскочила.

Через пару часов Аля уже лежала в госпитале – мастит. Денис остался с бабушкой.

Прошла неделя, Алю подлечили и привезли домой, в барак. Девушка его не узнала. Тут был новый бак, наполненный водой, новая электропечка, чистота и уют, большие запасы продуктов, и главное – хорошие смеси для Дениски.

На кухне исчезли крысы, свекровь их извела. А Дениска лежал, весь румян от тепла печки, завернут в белоснежные пеленки и спокоен.

Утром сквозь сон Алька слышала, как свекровь сходила за водой, как забрала от ее постели хныкающего малыша и унесла на кухню...

А когда, часов в десять, Алька проснулась окончательно, ее ждали теплые закутанные в полотенце и шерстяную кофту сырники, улыбающийся сын и довольная, слегка усталая свекровь. Она доваривала борщ.

– Мария Федоровна, как же хорошо-то! – подсаживаясь к сырникам, сказала Алька. – Как же хорошо нам с вами! Идите – поспите, я доварю.

Только к лету приехал Виктор. А всю весну Мария Федоровна с Алей и Дениской жили втроем.

Они много беседовали. Аля слушала рассказы свекрови о ее нелегкой жизни затаив дыхание.

Они спали на одной кровати. По очереди заботились о Дениске, посадили небольшой огород возле барака. Когда стало потеплее, выезжали на закупки в военторг, а потом гуляли в парке.

Обе они, конечно, переживали за Виктора и очень ждали его возвращения.

И Аля не представляла себя уже без этой женщины. С ней было тепло и уютно, с ней было легко и надежно. Свекровь знала все. Любая бытовая проблема с ней оказывалась решаемая.

– Смотрите, ох! У нас угол течет. Дожди проклятые! – переживала Аля.

А свекровь, оценив обстановку, говорила:

– Не ругай дожди, Алечка. Они землю поят, огород наш поливают. А рубероид и клей я завтра куплю. Подтекает там вот... Ну, я знаю, где.

И все быстро вставало на свои места.

– Ох! Дайте, я вас обниму, – восклицала Аля, прижимая к себе теплую, уютную женщину.

Свекровь уговорила Алю и настроила ее на посещение общественной бани. Раньше Аля стеснялась туда ходить. Грела дома кастрюли и обмывалась над тазиком. Теперь каждый банный день они дружно парились, а Дениска спал под присмотром банщицы.

Мария Федоровна находила общий язык со всеми, умела договориться, похвалить – и в конце концов ее зауважали и командиры, и соседки.

– Спи, спи, дочка! – шептала свекровь. Она поднималась очень рано.

– Спасибо тебе, мам! – сквозь сон отвечала Аля и улыбалась своим мыслям.

А мама-свекровь, держа Дениску на руках и тихо прикрывая дверь, улыбалась своим.

Нет, не ради титула «мамы» она здесь. Осталась бы и Марией Федоровной, и прекрасно. Вроде, и неважно все это. Но было так приятно, что пришлось смахнуть легкую слезу счастья.

А Аля не сразу уснула, лежала и думала: «Вот так мы в юности строим представления о будущем, а жизнь – она берет свое».

Не всегда стоит следовать своим принципам, и не все в нашей жизни можно измерять чужим опытом. Измерять надо сердцем.

– Спасибо, мама, милая, – прошептали губы, и Аля провалилась в сон.

Доехать до бабушки

Живот заболел на последней паре. Началась тошнота, и потемнело в глазах. Надо бы досидеть... Но боль усиливалась, и Ксюша уже перевалилась на один бок, прижимая пальцы к точке боли.

Подняла руку, вышла. Конечно, она ждала и в целом была готова к *этим дням*, но вот про таблетки совсем забыла, и у подруги их тоже не оказалось.

Ну ладно, осталось досидеть эту пару, а там уже – автобус и вокзал. К бабушке на выходные. Поблизости от вокзала есть аптечный пункт. Купить таблетки, потом чуть больше часа на электричке, и Ксюша у бабушки. А уж бабушка... рядом с ней все пройдет.

Пара длилась необычайно долго. Ксюша вся извелась. Боль усиливалась. Но, наконец, муки прекратились, и девушка вышла из корпуса университета.

На улице было мерзко – снег вперемешку с дождем. Говорила же мама, надевай зимнюю куртку, так нет же, она вырядилась, пошла в легком! А тут – почти зима. Куртка короткая, джинсы тонкие... Ох, оказаться бы сейчас сразу – у бабушки!

На улице Ксюше стало немного лучше, боль рассосалась, затаилась – готовилась к новому штурму. Как назло, долго не приходил автобус. Ксюша промочила ноги, но это еще полбеды; вернулась боль.

Новая атака, прямо схватки какие-то. Люди, прячась от дождя и снега, бежали по своим делам, иногда толкая застывшую от боли студентку. Хотелось выть...

Мест в автобусе не было. Темнело в глазах. Но молодой девушке стыдно просить уступить ей место, и Ксюша терпела.

Стало тревожно («А как там... все ли в порядке сзади?»), и Ксюша постаралась встать спиной к окну. По полу автобуса жутко дуло – ооченели ноги. Хотелось к бабушке.

Аптечный киоск на железнодорожном вокзале был закрыт. До электрички оставалось еще минут сорок. Ксюша упала на вокзальное сиденье, наклонилась вперед и с силой прижала сумку к животу. Так было легче терпеть. Девушка делала вид, что спит, а на самом деле считала до ста, переводя дыхание.

– Ноги подними! – услышала она.

В полупустом зале уборщица мыла пол.

– Я не могу!

– Че так?

– Живот болит.

– Может, скорую вызвать тебе? – Уборщица жалостливо посмотрела, все понимая. Женщина – женщину.

– Не-е-е, доеду...

В такой же позе, крепко сцепив зубы от боли, Ксюша ехала и в электричке.

Как дошла до бабушки, даже и не помнила.

Бабушка, увидев промокшую внучку, ее темные круги под глазами, лоб в напряженных морщинках, озноб – все поняла сразу.

– Бабуль, обезбол дай!

– Так. Садись, сейчас. Снимай все с себя. Ты промокла насквозь.

А дальше все пошло по тому идеальному сценарию, который могут для нас организовать только бабушки.

– До сих пор в синтетических колготках! Без носков! – причитая, сутилась старушка.

– Бабуль, за что нам, женщинам, это?!

– Ну, пока я замуж не вышла, тоже так мучилась, потом полегче стало, – успокаивала она.

И вот уже Ксюша сидит в колючих шерстяных носках, длинной футболке, в бабушкином фланелевом халате, завернутая в любимую темно-зеленую вязаную шаль.

– А таблетки? – прокричала Ксюша уже из ванной.

– Сначала ложки три горячей лапшички куриной съешь. Давай-давай, через «не хочу».

И вот бабушка кладет рядом с тарелкой лапши две долгожданные и такие необходимые таблетки, а потом наводит что-то лекарственно-кислое и горячее в стакан, процеживает отстоянную травку.

Лапша, лекарство и забота бабушки вскоре действовали: ушла боль, появилась испарина и расслабление. Даже шаль стала лишней. А бабушка что-то там растирает бальзамом и брызгает Ксюше в рот...

Захотелось уснуть тут же – за кухонным столом. Ксюша прислонилась к спинке стула и закрыла глаза. Вот оно – счастье.

Но счастье не кончалось. Оно ждало ее в виде пушистой перины и мягких подушек. Ксюша так тяжело упала на кровать, как будто в ее теле было килограммов сто. А когда бабушка подоткнула одеяло со всех сторон, Ксюша даже не могла пошевелиться.

И перед самым сном подумала:

«Не хочу я замуж! Никто в жизни не сумеет так любить, как любят нас наши бабушки!»

Дорога домой

Антонина и Дмитрий возвращались в город. Они ездили смотреть дом, который собирались купить. Судьба их свела в том возрасте, когда дети уже выросли и даже подрастали внуки. Оба были одиноки, обоим хотелось своего пространства, собственного – но общего для них двоих – жилья.

В покупке именно этого дома Тоня еще сомневалась – уж очень далеко деревня находилась от города. Хотя здание добротное, и хозяин не завышал цену... Дорожные раздумья Тони прервал голос Дмитрия:

– Смотри, смотри! Опять эта собака.

Навстречу по правой стороне дороги действительно, прихрамывая, бежал пес. Тот самый, на которого они обратили внимание еще утром, обогнав его, когда ехали в деревню. Прошло часов шесть. Пес за это время пробежал десятки километров. Он был достаточно большой, грязный, серой масти, с висячими ушами и грустными глазами.

Дмитрий затормозил, вышел из машины и свистнул. Пес остановился и оглянулся, но с места не сдвинулся.

– Достань бутерброды, Тонь!

Антонина полезла в пакеты и выудила оттуда оставшиеся бутерброды, завернутые в фольгу. Дмитрий позвал собаку, поманил едой. Пес, немного подумав, двинулся навстречу. Благодарно посмотрел на Дмитрия и начал медленно есть. Тоня с жалостью смотрела на собаку.

– Это куда ж он бежит весь день? Утром обогнали, и сейчас – вот...

– Не день, дольше. Посмотри, какой грязный. Наверное, давно идет.

– Слушай, а может, возьмем себе в дом? Там и конура есть, – предложила Тоня.

– Да мы ведь еще и не решили, покупаем дом или нет... А сейчас его куда? В квартиру?

– Ну, можно и к сестре Люде пока, во двор. Я договорюсь.

Дмитрий помолчал, подумал, осмотрел еще раз собаку.

– Хороший, вроде, пес. Подкормить только. Ну, давай!

Антонина и Дмитрий сошлись на том, что пес поедет с ними. Но мнение пса с их мнением не совпало. Собака доела бутерброды, посмотрела на пожилую пару и продолжила путь в том же направлении. Дмитрий пса догонял, брал за холку, пытался уговорить, но пес вел себя, как упрямый ослик: при приближении Дмитрия он не двигался с места, молчал, упрямо глядя исподлобья. К машине идти не хотел.

Так они и расстались. Машина и пес разошлись в разных направлениях.

Пес оглянулся, грустно посмотрел вслед уходящей машине и заковылял дальше. Не сомневался – он принял правильное решение.

У пса была цель – он возвращался к хозяину, по которому очень скучал. Хозяина звали Григорий, и был пес с ним с самого детства. Сначала с ним и с его женой, а потом уже только с ним, когда жены почему-то не стало.

Но прошлой осенью его посадили в машину и увезли в город. Там тоже был двор, но все кругом пугало: и чужие городские звуки, и окрик нового хозяина (в общем-то, доброго и заботливого, но так и не ставшего своим).

А еще все время снился родной двор, конура и даже дворовые коты. Новый хозяин говорил с ним ласково, понимал, что пес скучает, но...

Прошло полгода. Весной хозяин взял его на рыбалку. И вдруг, у реки, когда волна столкнулась с берегом, пес явно почувствовал родной запах – его принесла вода. Река вытекала из глубокого леса, а значит, там, за лесом, и есть его дом, его хозяин, и надо бежать вверх по течению, чтобы вернуться домой.

И пес помчался. Первый день шел прямо по берегу. Останавливался и пил воду. Ночью уснул на берегу. А на следующий день, когда лапы закровили и идти стало труднее, вышел на идущую вдоль реки дорогу. Полегчало. Но голод сделал свое дело – пес очень устал. Следующую ночь он провел на заправке, там ему перепала булка.

А утром пес опять отправился в путь – вверх по реке. Пожилая пара остановила машину и очень вкусно его накормила. Но и напугала немного, пришлось посопротивляться.

Пес отдыхал все чаще, но продолжал идти к своей цели. Он уже чувствовал – дом близок.

К вечеру, когда силы были на исходе, пес добрал до своей деревни. С трудом влез в знакомую дыру в заборе и поскреб лапой дверь дома, лаять уже не было сил. Но хозяин не откликнулся. Пес залез в любимую конуру и крепко уснул. Было очень спокойно – он попал домой.

* * *

– Ирка, глянь! Бармалей? Это же Бармалей! Откуда он тут?

Соседка с дочерью шли на утренний автобус.

– Надо же, Бармалей! Откуда ты?

Пожилая соседка зашла во двор и постучала в дом.

– Андрей! Ты что, приехал?

Но в доме никто не откликнулся.

– Мам, посмотри. У него все лапы в крови. Он, походу, сам пришел, сбежал.

Девочка Ира присела на корточки перед собакой.

– Бармалейюшка, ты чего? По деду Грише тоскуешь, да? И мы по нему скучаем, но нельзя же так. Андрей тебя забрал, а ты удрал, да? Так сколько ж ты бежал, бедный...

– Сбегай, Ир, в дом. Там картошка с курицей в холодильнике. Положи ему, но быстро, а то опоздаем. Я пока Андрею позвоню.

Андрей был сыном Григория. И когда отца не стало, он забрал собаку себе. Двух кошек приютили соседи, а Бармалей поехал за триста километров. И, увидев сегодня пса во дворе, соседка подумала, что Андрей приехал на побывку. Но обычно он предупреждал о таком заранее. У соседей и ключи были.

– Как – в деревне? А я весь лес прочесал! Как он попал в такую даль! – Андрей искренне удивлялся.

Бармалей сбежал от хозяина во время рыбалки три дня назад. Мужчина искал пса, звал его, бегал по лесу и реке, но безрезультатно. Бармалей как сквозь землю провалился. Так и ушел Андрей домой без него. А теперь ему звонят соседи родительского дома и говорят, что пес вернулся – но куда!

– Я сегодня не смогу, мы только в выходные приедем. Присмотрите там за ним, пожалуйста.

В субботу утром Андрей с женой прибыли. Во дворе их отцовского дома собрались местные старожилы. Все в один голос говорили, что, раз Бармалей вернулся, опять увозить его не стоит. Пусть остается, они присмотрят.

Дом Андрей продавал. Решили, что поговорят с новыми хозяевами, попросят взять дом с охранником-псом. Завтра как раз встреча с кандидатами на покупку.

Бармалей эти дни только спал и ел. Лапы, перевязанные бинтом, раздражали, пес грыз бинт и стаскивал его зубами. Ирина собаку за это ругала, но не сильно. Только мазала чем-то противным раны и перевязывала заново.

Бармалей уже начал понимать, что Григорий не вернется, его нет на участке и не будет уже никогда. Но пес все равно был счастлив оказаться дома. Здесь все родное: фуфайка в сарае

(которая пахла старым хозяином), звуки, доски, под которыми Бармалей любил поспать, забор и даже коты.

Пес дремал, когда вдруг услышал знакомые голоса людей, которых повстречал на дороге.

– Дима, смотри! Это же та собака, которую мы хотели забрать на трассе, – радостно воскликнула Тоня.

– Его Бармалей зовут. Он удивил нас тут всех. В городе от меня убежал и сюда пришел. Вернулся, так сказать, в родные пенаты, – и Андрей рассказал все подробности этой удивительной истории.

Пес с Григорием были, что называется, не разлей вода. Пес ходил за мужчиной по пятам: отец на работу, в совхоз или в магазин – Бармалей за ним. В сарае мастерит – пес рядом. Другом был настоящим. Но вот отца не стало, а у Андрея Бармалей жить не захотел, сюда вернулся.

– Ну, значит – это знак. Хороший знак. Берем дом! С Бармалеем в придачу берем. Он нам еще на трассе по душе пришелся, – призналась Антонина.

– Что, брат, лапы-то стер? – Дмитрий присел на корточки перед Бармалеем, который делал вид, что стаскивает бинт, но на самом деле внимательно прислушивался к людскому разговору. – Ну, давай знакомиться поближе, мне тоже не помешал бы такой вот настоящий друг.

Лопату жалко, или О странностях женской логики

Марина собралась на дачу. Так приятно было осознавать себя *владелицей дачи* – веяло чем-то исконно русским, романтичным и богатым.

Ее мучило чувство зависти к соседке, которая вчера усаживалась в машину зятя, чтобы с комфортом поехать туда же. У Марины не было ни зятя, ни машины. Имелся сын, но он жил очень далеко: уехал на заработки на север да там и остался.

Марина уже давно была Мариной Николаевной, сто лет работала методистом-воспитателем в небольшом детском саду. Когда оказалась одна с сыном на руках, пришла работать туда няней. Потом отучилась, и теперь вот... Методист! Сын вырос, а она по-прежнему в саду. Уже пенсионерка, но разве на пенсию проживешь? Вот и дача, кстати говоря, помогала не только морально...

Марина вывезла из подвала старый велосипед с подкачанными вчера колесами. Нужно было перевезти за город садовые инструменты, скарб. В общем, все то, что оставлять на зиму без присмотра было опасно: участки периодически «обносились», и охраны в поселке не было.

Весна нынче затянулась. Шли дожди. Вот и сейчас собирались тучи. Но Марина была настроена решительно: по всем садовым календарям сейчас – самое время начинать посадку рассады.

Хотелось взять с собой побольше полезных вещей. А особое место в мыслях занимала новая лопата. И без того тяжелое занятие – перекапывание земли – давалось Марине особенно трудно, ведь она была женщиной миниатюрной и богатырской силой не обладала. И поэтому лопату выбирала долго, советовалась со знатоками и не скупилась.

Марина не нашла дома веревок. Пришлось привязать лопату, тяпку и грабли к велосипеду атласными ленточками, оставшимися от родительских подарков на 8 марта. Получилось даже красиво, с бантиками. Потом Марина нагрузила мешок со скарбом на раму, поставила сумку и пакет с личными вещами на багажник, и отправилась в путь. На мешке и пакете тоже красовались разноцветные бантики.

Ну что ж, хоть это делало поездку на дачу немного романтичней.

Путь был неблизкий. Большую часть дороги Марина ехала, смешно разводя колени – груз мешал. Она устала. А тут еще, как назло, зарядил дождик. Марина предусмотрительно надела теплую куртку с капюшоном. Но грунтовая дорога тут же размокла, и все равно пришлось идти пешком. Колеса скользили. Марина уже ругала себя за то, что набрала так много вещей.

Впереди – железнодорожная насыпь. В объезд – далеко. Чтобы насыпь преодолеть, нужно было с разгону закатить наверх тяжелый нагруженный велосипед, потом перетащить по очереди каждое колесо через рельсы и спуститься. А там уже и садовые участки начинаются.

Марина передохнула, подумала о том, что лучше было бы отвязать хотя бы мешок, но... Ей так хотелось поскорее оказаться на участке и спрятаться от дождя!

Она посмотрела по сторонам – не идет ли поезд? Слегка разогнала велосипед и рванула. Первая попытка оказалась неудачной, пришлось скатить. Она разогнала велосипед чуть сильнее, и он въехал: ударился о выступающую шпалу, но устоял. Самое сложное было позади. Марина приподняла сначала задние колеса, с трудом переставила их так, чтобы они оказались между рельсами... И вдруг услышала свист приближающегося поезда. Рельсы уходили за поворот, и опасности пока что видно не было.

Марина засуетилась. Отпустила руль, и велосипед упал, придавив мешок. Она начала поднимать мешок, но красивые атласные ленточки не выдержали ее напора, и весь скарб, все садовые инструменты рассыпались на рельсы.

Марина совсем растерялась – и тут поезд показался из-за поворота. Он гнал на бешеной скорости, а через секунду оглушительно засвистел. Марина дергала велосипед, но прекрасная

новая лопата удерживала его: встала поперек рамы и, уткнувшись одним концом в рельсу, а другим – под спицы колеса, не отпускала. Паника (вместо того чтобы активизировать работу мысли) затуманила ум. И Марина почему-то двигалась и соображала медленнее – зачем-то дергала мешок, пытаясь освободить его от проткнувших насквозь граблей... Что-то размыло сознание: то ли дождь, то ли усталость, то ли возраст. Марина вообще не думала о себе, она думала только о спасении новой лопаты. Она представляла, как колеса поезда раздавят ее.

И тут что-то мягкое подхватило ее поперек живота и толкнуло. Марина съехала с насыпи вниз, а потом как сквозь сон увидела: мужчина быстро отбрасывает ее инвентарь на другую сторону. В голове сидела мысль:

– Мне же надо сюда, а не туда! Вот куда он бросает? Лопата же новая, ломает! Глупый! Или..?

Поезд свистел что было сил. Последним в сторону Марины полетел велосипед. А мужчина прямо перед первым вагоном сиганул в другую сторону.

Поезд грозно, как будто в страшном гневе, неся мимо. И в этот опасный и трагичный момент Марина думала только об одном: по ту сторону рельс лежало все ее богатство – сумка с кошельком и карточкой, с ключом от квартиры, с телефоном, новая лопата и отличная тяпка, только что приобретенный железный чайник... И много других вещей, которых лишиться было бы несказанно жалко. Скорее всего, мужчина – вор, и ее обокрали. Сейчас пройдет этот длинный поезд, и по ту сторону насыпи не окажется ни мужчины, ни вещей. За лопату было особенно обидно.

Бесконечные вагоны летели перед глазами. И Марина искренне удивилась, когда за последним из них увидела лысеющую голову «вора».

Марина молча смотрела на него, а он постучал себе кулаком по лбу, давая понять, что о ней думает.

Она гордо, обиженная его жестом, прошествовала через насыпь и начала собирать вещи. Мужчина молча ходил по рельсам и что-то искал. Потом он подобрал рюкзак и зонт. Зонт был сломан. Мужчина подергал его, посмотрел на сломанные спицы и, расстроенный, опустил руку. Потом подобрал и отряхнул кепку, козырек которой тоже висел на нитках.

И тут Марина увидела всю картину происходящего. Мужчина спас ее, рискуя собой, не думая о своих вещах, спас ее и машиниста поезда от большой трагедии. Ком подступил к горлу. Какая же она дура! Марина села на свой мешок и заплакала.

– Что, испугались? Не плачьте, все же хорошо, – мужчина подошел, начал собирать ее инвентарь. – Как вы так? Смотрю, поезд идет, а у вас – ноль реакции!

– Не знаю! Лопата застряла, а она же новая, дорогая, жалко, – всхлипывала Марина.

Мужчина как раз держал злосчастную лопату в руках.

– Ну, лопата так себе! Долго не прослужит. Да и точить ее надо, тупая вон. – Он засунул разодранную кепку в карман и показал на острие инструмента.

– Как это «так себе»? В магазине сказали – лучшая, – сопела носом Марина.

– Они что угодно скажут, лишь бы продать. А где ваш участок?

– Четвертое поле, там предпоследний ряд.

– А мой на третьем. Пойдемте, провожу. Я тоже туда шел. Потом лопату вашу возьму к себе и наточу. Или хозяин справится?

– А нет хозяина, я сама себе хозяйка.

– Оно и видно, – улыбнулся мужчина, и Марина покраснела, вспоминая только что произошедшее.

Они погрузили мешок на велосипед, взяли инвентарь и дошли до участка Марины, по дороге рассуждая о затянувшейся весне и несносной погоде.

– Кепку мне покажите, пока лопатой моей занимаетесь, я ее зашью. Или хозяйка справится?

– А нет никакой хозяйки, два года как скончалась. Один я...

Мужчина оглянулся и махнул рукой. Его сутулая спина показалась вдруг Марине какой-то родной. Сейчас она поставит чайник, приготовит перекус и займется кепкой.

Надо же как-то отблагодарить за спасенную лопату!

Последнее дело матери

*«И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение,
а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».*

Апостол Павел

Ей снился сон, в котором дети переругались и передрались. Она даже видела, как один сын другого душит, как хватают друг друга за волосы дочери.

Когда этот страшный сон, наконец, ушел, она села на кровати. Солнце золотило край неба. Наступал новый день. Она слышала, как падает первый снег, но уже не могла его увидеть. А вот золотая полоса, поглощающая тьму, просматривалась хорошо.

Она прилегла обратно. Очень болела голова. Начиная с затылка, боль холодным свинцом шла к вискам, невыносимо давила и сковывала.

Ее шестидесятилетняя дочь, которая жила здесь же, видимо, еще спала. В доме было тихо, и только мерный стук часов и тихий шелест снега нарушали тишину. Ей снилось то, чего она больше всего боялась и чего бояться устала. Сегодня она должна принять решение и, наконец, сделать так, чтобы эти сны прекратились.

Солнце поднималось все выше, разгоняя ночь. Заголосили петухи. Проснулась и зашаркала ногами Ангелина. Вера ждала, знала, что дочь, как только закончит свои утренние процедуры, заглянет к ней в комнату.

– Доброе, мам! Как спала? – Геля отодвинула шторы, впуская в комнату режущий глаза яркий свет.

– Плохо. Созывай, Гель, всех. Надо созывать. Пора.

Геля не удивилась, но немного озадачилась – приезд родни означал дополнительные хлопоты, а ей нездоровилось.

– Точно, мам? Ты решила? – Дочка присела на кровать.

– Точно, Гель, созывай.

Ангелина знала – мать слов на ветер бросать не будет. Раз решила, значит, спорить нечего.

Когда женщины живут вместе много лет, они понимают друг друга без объяснений.

Геля была старшей дочерью Веры Павловны. Она так и не вышла замуж – не сложилось. В старших классах ее любимый утонул. А она, порядочная и впечатлительная, так и осталась в мыслях с ним.

Детей у бабушки Веры было шестеро. Когда в молодости ее Коля сказал, что детей у них будет не меньше десятка, она засомневалась. Вряд ли она родит столько – слабовата. Была она худая и плоскогрудая. Многочадие – это тоже призвание, это – дар. Не у всех он есть. Наверняка, только у обладательниц здорового сильного тела. Но жизнь все равно дарила Вере и Коле детей, и они радовались каждому.

Первых четверых Вера родила дома, с бабкой-повитухой.

А когда пришлось ложиться в роддом с пятым и шестым детьми, Вера очень не хотела. Казалось – бросает старших, ощущала себя немного предательницей. Думалось, что теперь ее заботы другим детям достанется меньше.

Это – одна из сторон любви. Ты не можешь всегда дарить всего себя только одному. Разрываешься и не знаешь, кому сейчас твоя забота важнее.

Но любовь – она щедрая. Она стремится разрастись, охватить как можно больше людей вокруг, согреть всех. А те, первые, которых ты любил в самом начале пути, должны осознать и принять это. И старшие дети должны научиться не только наслаждаться любовью матери, но и дарить *свою* любовь братьям и сестрам. А это не всегда просто.

Вот и в этой семье случилось так, что сейчас братья и сестры были в негласной ссоре. Уже не молодые, но по-прежнему – ее дети. Вроде открыто не ругались и, встречаясь, не спорили, отмалчивались, но мать знала: обида есть, затаилась. Она, как ядовитый корень, подпитывается и разрастается. И виной этому – ее родительский дом.

После смерти матери Вера вступила в наследство, и дом они с мужем продали. Место хорошее – Подмоскowie. А вот деньги от продажи дома разделили не поровну.

У них было два сына и четыре дочери. Младший ребенок – Алексей – всю жизнь ввязывался в проблемы. И в период продажи дома находился под следствием – пьяный за рулем сбил человека насмерть.

Такое горе Вера не испытывала никогда. Грозил тюремный срок и большие судебные выплаты семье погибшего. Казалось, понятно же все – надо помочь именно Алексею. Родители так и сделали. Большая часть денег пошла младшему сыночку – в результате он и отсидел меньше, и выплачивал по иску недолго. Благодарен был родителям за такую помощь. И сам очень тяжело переживал случившееся, пить стал меньше, одумался. Все бы хорошо, но остальным детям досталась совсем незначительная часть денег от продажи дома.

Думала Вера, что они поймут и поддержат их с мужем решение. Но Люба матери высказала:

– Мама, а почему ты решила, что только у него проблемы? Я вот тоже надеялась размяться. Знаешь же, в какой тесноте мы живем – и Света с мужем, и внук ее с нами, и еще мы трое. Бабушка говорила, что дом всем нам достанется, я рассчитывала, варианты просматривала. И Лена, между прочим, тоже в долгах, думала, отдаст вот. А теперь все – Лешеньке.

На последнем юбилее отца этот разговор начался во время застолья. И если б отец не ударил тогда кулаком по столу, неизвестно, чем бы все закончилось. Может, как в Вериных снах.

Затаилась у всех обида. Стали общаться между собой мало, а то и совсем перестали. Вера понимала: перед смертью детей надо помирить. Но как?

В голове крутились слова апостола Павла. Он говорил, что любви свойственно расширять сердце, потому что она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгорячает. Неужели мало любви в сердцах ее детей?

И пришла Вере одна идея. Если уж она не сработает – ну что ж! Значит, не смогли они вырастить детей порядочными, и уходить ей с тяжелым сердцем придется.

Помирить детей – теперь основное материнское дело, оно одно и осталось. И Вера его осилит. Иначе какая еще от нее польза?

Только бы не ошибиться! Только бы!

* * *

Ангелина была душой дома. Именно она присматривала за лежащим отцом после инсульта, именно она занималась поддержкой и ремонтом старого жилища. Геля давно смирилась со своей бездетной судьбой, казалось, не держалась за блага материальные. И если бы осталась она ни с чем, ушла бы в монастырь.

Но не столько из-за беспомощной матери жила она в миру, сколько еще не готова была вот так вот бросить все и уйти. Было не вмоготу думать о том, что она оставит родной дом, что не будет вокруг близких лиц, что не соберутся вместе братья, сестры и их многочисленное потомство, которое Геля любила всем сердцем. Сейчас многие дети братьев и сестер стали совсем взрослыми, и она уже поджидала внуков...

Геля помнила все даты дней рождений племянников и внучат, покупала и отправляла им подарки. А каждое лето их с матерью дом наполнялся детскими голосами... И только в

последнее время вдруг выросло это напряжение в семье. Сестры были обижены на мать, брат злился на брата. Геля молилась за всех.

Собрать братьев и сестер для встречи было делом нелегким – все заняты, желания особого приехать не проявляют. Но, прислушавшись к просьбе матери, на следующих выходных все обещали прибыть. В их же поселке жила дочка Ксения с мужем, а рядом, в райцентре – младший сын Алексей с женщиной и ее сыном.

А вот остальным – Саше, Любе и Лене – ехать нужно было далековато, но и они обещались. Так настойчиво мать звала нечасто. Люба ехала с мужем, Лена – с сыном.

Уже с пятницы на плите кипело и шкворчало – Геля с Ксенией готовились к встрече гостей. Мать была уже не помощница.

Утром в субботу Вера поднялась раньше Гели, уставшей от хлопот. Сегодня долго валяться в кровати было некогда. На отдельной полке под ситцевой тряпичей лежали стопки белья. У матери давно все было готово. И хоть видела она очень плохо, но нашла эту стопку быстро. Новая исподняя рубаха, чистое серое платье, ненадеванный платок...

Вера, держась за косяки, прошла в ванную, включила теплую воду и обмылась, как сумела. Исподняя рубаха дыхла свежестью, обнимая старость.

От звука воды проснулась Ангелина.

– Мам, ты чего сама-то? Разбудила бы, – потом Геля увидела материнскую рубаху, которая лежала для *того самого особого случая*, и ахнула, положив руку на грудь: – Ты че это, мам?

– Да не волнуйся, молчи просто сегодня, если что.

– А что, если что? Ты же пугаешь меня!

– Дай руку лучше, да отведи в постель. Устала я. Хватит причитать, – забурчала мать, так толком ничего и не объяснив.

Вскоре пришла Ксения. Геля рассказала ей о странном поведении матери.

Перед приездом остальных детей Вера велела дочерям одеть ее в серое платье. Потом попросила водить ее на улицу – встречать каждого. На улице падал снег, так что Вера дважды одевалась и встречала приехавших во дворе. Не успела только к последним, они не позвонили с дороги.

После Вера сказала усадить ее в зале в кресло. Она долго устраивалась в нем, требовала подушку под спину, плед на ноги и валенки. Всю жизнь не изнеженная – но тут превратилась в привереду.

Стол накрыли в зале. Так было принято в этом доме – гостей встречали столом. Вера в последнее время никогда не ела при людях (исключая Гелю, конечно). Ей казалось, что всем неприятно смотреть на беззубое чавканье такого старого человека, как она. Сегодня мать тоже не притронулась к еде: аппетита не было, да и кресло стояло не у стола, а чуть поодаль. Вера, даже отхлебнув чаю, отдала чашку Ангелине. Волновалась.

Как и ожидала мать, ни братских, ни сестринских объятий не случилось. Она уже плохо видела своих детей, но по натянутому общению поняла: друг с другом в одной комнате быть рады не все. Особенно тяжело встретили Алексея.

Всех интересовало одно – зачем их собрала мать? Добродушная Геля заставила гостей поесть с дороги, бабушка Вера расспрашивала о внуках, с ней делились новостями. Только Алексея не было слышно.

А когда накрыли чай, за столом повисла пауза – почти все новости были рассказаны. И тогда Вера начала:

– Я вот чего позвала-то вас. Думаю, уж скоро мне и на покой, – Вера говорила тихо, и ей потребовалось поднять ладонь, чтоб все прекратили начавшиеся было возражения. – Все равно придется, хошь – не хошь. Дом этот мне принадлежит весь, и моя, и отцова доля. Думаю я послезавтра нотариуса звать для завещания.

Геля посмотрела удивленно. Все планы матери она знала наперед, но об этом решении Вера ей не сообщала. Дочь, было, приоткрыла рот, но вспомнила, что мать просила молчать.

– Думаю Алексею дом оставить. Как вы на это смотрите?

Алексей вытаращил глаза. Все обернулись на него.

– А почему именно Алексею? – спросила Люба.

– Ну, младший он, и нет у него своего жилья.

Голос подал Алексей.

– Чего это нет-то? Мы с Катей нормально живем, и с матерью ее я лажу. Дом у них. Распишемся скоро. Нормально у меня все. Мне не надо.

– Вот видишь, мам, – прокомментировала Лена.

– А давай тебе, Лен? Ты одна мальчика растишь, нелегко ведь. Вот и продашь дом. Деньги немалые.

– Так почему мне одной? Ну, у всех же дети, – захлопала глазами дочка. Предложение заманчивое, но странное.

– Ну, тогда тебе, Люб, вы тесно живете, переедете сюда. А Света с мужем пусть в старом доме остаются. Геля вон все в монастырь собирается...

– Да чего ты, мам! С чего вдруг кому-то одному? Пусть поровну, да и все, – пришла в себя от неожиданности Люба.

Все дружно ее поддержали, зашумели.

– Мне не надо доли в доме, – тихо сказал Алексей. – Я отказываюсь, я и раньше так решил, мы с Катей решили. Мне с дедовского дома больше всех перепало, ну и хватит. Отказываюсь в пользу Гели. Она всегда тут жила, пусть и дальше живет.

– А че, хорошие слова, Леха, мужские, поддерживаю, – бодро выкрикнул Саша. Он был вторым ребенком после Ангелины. А сейчас еще и самым обеспеченным: развернул удачно бизнес и не особо нуждался в деньгах. Пару раз даже помог с ремонтом материнского дома.

– И я за Гелю, – сказала Ксения. – Мам, у Алексея хоть и не свое, но хоть какое-то жилье есть, а у Гели вообще другого нет. Если дом поделим, вдруг кто долю продаст, где она-то жить будет? А если не приживется в монастыре? Да Геля нам всем вместо матери, ну... – Ксения запнулась. – Столько лет дом поддерживает! Да и наших детей всегда кто привечает, подарки дарит? Мам, если уж одному кому, то Геле.

– Так я и позвала вас сегодня затем, чтоб посоветоваться. Решайте! Вот как скажете, так и сделаю.

Опять посыпались возражения: нужно жить еще долго, не думать о плохом, принимать решение самой, но... Вера подняла руку, прося тишины, и продолжила:

– Решение должны принять вы. Совместно принять. И обязательно сегодня. И пока вы его не примите, я с этого кресла не встану! А если без решения уедет кто, тут и помру!

И в подтверждение своих слов она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

За столом повисла тишина. Геля хлопала глазами. Такого от, в общем-то, мягкой матери она не ожидала.

Из-за стола, сдерживая слезы, встала Лена и вышла во двор.

– Чего это она? – спросил Саша Любу, которая была близка с сестрой.

– Да у нее проблемы со здоровьем, деньги нужны на операцию, и вообще. А тут... Нервы, видать.

– Так, а чего молчала? Неужели денег не найдем, скинемся, в конце концов! Сколько надо-то?

Люба пошла за сестрой.

– Ох уж эти деньги! – вздохнула Ксения. – У нас крыша сейчас в сезон ка-ак потекла! Со всех щелей. Кровельщиков вызвали, а они ка-ак заломили!

– Так давай я приеду, помогу. Я ж уже три крыши перекрыл, почти мастер. И шифер, и рубероид подешевле найду. Мы с твоим Юркой перекроем все сами. Погоду только подгадать надо, – предложил вдруг Алексей.

– Что, правда умеешь, поможешь?

– Ну конечно! Отчего бы сестре не помочь.

Ксения с Алексеем начали договариваться о ремонте. Решили позже сходить к дому, все посмотреть.

Вернулись Люба и Лена.

– Лен, че молчала-то, что деньги нужны на операцию? Говори, сколько?

– Да дело не только в деньгах. Мне Егора вон оставить не с кем. Я выпаду в больницу месяца на два, а он как?

– Так давай к нам его, – предложила Геля.

– Как? А школа? Он же в девятом, на два месяца никак нельзя учебу оставить. У вас школы нет, а в нашу возить некому.

– Это да. И приехать к тебе я не смогу. Мать ведь не оставишь...

– И мне забрать мальчишку невозможно, у нас шагу некуда ступить, кругом внуки, – поохала Люба.

– Лен, – заговорил Алексей, – а давай к нам. Мы живем возле школы, а Катя там завуч, оформит вмиг. И Максим в десятом, сын наш – ну, Катин сын, в смысле – он за Егоркой присмотрит.

Лена подняла на брата заплаканные глаза. Это был выход. Ее лицо просветлело. Саша уже выпрашивал ее о деньгах на операцию, Ксения – аптекарь-пенсионер – предлагала помочь с лекарствами по сниженной цене, а Алексей звонил жене с вопросами об устройстве племянника в школу. Вскоре он передал трубку Лене, чтобы та сама пообщалась с Катей. Лена с Гелей ушли записывать необходимый перечень документов для перевода сына.

Вот уже кто-то кого-то договаривается подвезти, кому-то обещают тыкву, а кому-то собираются помочь с путевкой для внучки в летний лагерь. Суэта продолжалась, хлопали двери, люди приходили и уходили. Егор, сын Лены, показывал всем в окно снеговика. Потом они решили, что все вместе прямо здесь и встретят Новый год – до него оставалось совсем немного дней...

На некоторое время все забыли о матери. Казалось, что та задремала. Но Вера не спала, она боялась спать. Там, во сне, ее ждали жуткие картины, там дети ее были врагами, а здесь, наяву, на материнское сердце лилась благодать. Лишь бы это примирение не было временным, лишь бы не спугнуть эту явь, не провалиться опять в дремотную неприязнь.

Через некоторое время все вновь собрались за столом.

– Эй, родня, нам решение принять надо. Мать совсем замучили, – бодро скомандовал Александр.

– Я, наверное, рада была бы, если бы дом остался у Гели. А мы можем ее навещать. Иначе как? – предложила Лена, успокоившись после того, как ей помогли решить ее собственные проблемы.

– Да вы не волнуйтесь за меня, – сказала Ангелина. – Я ведь давно за вас всех молюсь и уже решила, что если придется – пойду в монастырь послушницей. Меня там примут, конечно. Уже давно своя. И ты, Лена, спокойно иди на операцию. Не сомневайся.

– Спасибо, Гель. Ты всегда была нашим спасением.

– Ну, видать, я одна осталась, – хлопнула по столу Люба. – Видать, никогда мне не жить в просторе, так и будем с Михой ютиться с внучатами! Да, Мих? Хоть и устали до чертиков!

– Люб, а вы сюда переезжайте. К нам в дом. А квартиру – Свете. Ну ладно, жили вместе, потому что вы еще работали в городе, но теперь-то все на пенсии. Если захотите, и пристройку

личную вам можно сделать, земли-то много. Смотри, как Волковы пристроили. И не дорого это, коммуникации все есть, газ мы провели. – Геля уже не в первый раз предлагала это сестре.

– Давно пора из этого города лиять, и я говорю, – поддержал идею Михаил.

– А пойдемте-ка к Волковым, посмотрите, как они сделали. Спросим у них по стоимости.

Муж Любы явно заинтересовался предложением, и они втроем отправились к соседям смотреть пристройку.

Саша с Леной и Алексеем вышли во двор.

– Слушайте, а ведь мать-то у нас – боец. Кажется, она нас помирила, – выдыхая дым сигареты, сказал Саша.

Алексей вернулся в дом. Ксения на кухне мыла посуду, Егор помогал.

Алексей зашел в зал, подошел к матери, присел перед ней на корточки, обнял за ноги и положил ей голову на колени. Она не спала, пальцы потрепали его шевелюру.

– Спасибо, мам!

Она погладила его по голове, как маленького.

Когда троица вернулась от соседей, все зашли в зал.

– Мам, давай в постель. Ты так долго не привыкла сидеть. Вставай.

Вера посмотрела на своих детей.

– А решение-то вы приняли про дом? Жду вот. Без решения не пойду.

– Приняли, – сказал Саша, – Геле дом остается. И тебе, живи долго.

– Пусть все скажут! – Вера отняла свою руку у пытающейся поднять ее Ксении.

– Геле, мам.

– Я за Ангелину!

– И я!

– Гелин дом, бесспорно.

– Ну, раз это ваше решение, пусть так и будет. Соглашусь, – устало сказала мать и позволила, наконец, перевести себя в спальню.

Геля помогла ей разоблачиться.

– Мам, а если бы кто-то психанул и уехал, ты и правда собиралась упорно сидеть в кресле, смерти ждать? – спросила Геля, складывая материнскую рубаху.

– Да нет, разве кто-то уехал бы. Я знала – будет мир. Сердце подсказало.

Геля сегодня тоже очень устала, но завтра она поговорит с матерью – дом должен быть общим, всем поровну.

Мать не засыпала. Еще долго ей мешал уснуть самый приятный в мире звук: мирный гомон дружных детей, их смех, топот и бречанье посуды.

– Хорошие у нас с тобой дети, Коля. Слава тебе, Господи! – перекрестилась мать.

За окном тихо падал снег, хотелось стать молодой, натянуть валенки и побежать по этому хрустящему насту, наполняясь свежестью и новым счастьем. Душа была легка.

И сегодня, и в следующие ночи Вере уже не снились эти самые страшные для матери сны. Но ночей оставалось не так уж и много. Однажды утром она, собрав последние силы, подошла к окну, открыла форточку, села на стоящий под ней стул и, вдыхая свежесть зимнего декабрьского утра, умерла. Тихо и мирно, с улыбкой на лице.

Ушла Вера без завещания. Геля была против того, чтобы дом оставался ей, и Вера не стала спорить. Материнское сердце уже подсказывало, как все случится. И предчувствия оправдались. Все дети от своей доли наследства отказались в пользу старшей сестры. Люба с Михаилом планировали начать возведение пристройки весной. И уже их внуки и внуки братьев и сестер наполняли дом жизнью.

Последнее свое дело мать завершила.

Через тепло ее дыхания

Денис стоял на остановке, ожидая хоть какой-нибудь транспорт,двигающийся в направлении его дома. Наконец-то их отпустили. До Нового года оставалось три дня.

Но сейчас не сам Новый год, и маячащая на горизонте сессия занимала все мысли. А еще сильнее тревожил диплом... В рюкзаке Дениса было больше конспектов, чем вещей.

Автобус задерживался. До села Дениса – три часа езды. Он бы сел уже в любой автобус, даже с пересадкой, только бы двигаться в направлении маминого тепла, а не стоять тут на пронизываемой ветром остановке.

– Я до Верюгино. Надо кому?

Остановилась попутка. Денис заглянул.

– Мне до Малашевки, подбросите? А сколько?

– Залезай, договоримся.

Денис бросил рюкзак на заднее сиденье, увидел там же что-то меховое, аккуратно завернутое в целлофан, но решил не думать, что это. Просто с радостью сел рядом с водителем в теплый уютный салон дорогого авто. Очень замерз.

– Я не ради денег, а так. Не люблю один ездить, дорога неблизкая, – сказал, прибавляя тепло печи, водитель – респектабельный мужчина лет пятидесяти. – Оплатишь беседой.

Он посмотрел на Дениса и улыбнулся.

– Куда едешь?

– Домой, к родителям на праздники. Я из Малашевки. А учусь в городе. Вот к ним на каникулы, потом сессия.

– Готовиться будешь после праздников?

– Ага, надо...

А дальше пошел рассказ о зловредности преподавов, о том, как напрягают они несчастных студентов, как трудно стало сейчас на сессиях таким вот простым безденежным пацанам.

На выезде из города их остановили на посту сотрудники ГИБДД. Гаишник взял документы водителя и неожиданно вскинул руку в армейском приветствии, а потом стоял по стойке смирно, пока машина не отъехала.

– Вы военный, что ли? – оглядываясь на странного гаишника, спросил Денис.

– Ну да, в некотором роде, – как-то неопределенно ответил хозяин автомобиля.

– А вы к кому едете? – спросил Денис.

О себе парень уже много наболтал, а вот о водителе до сих пор ничего не знал.

– Я? – вопросом на вопрос ответил мужчина. И замолчал.

Денису показалось, что он задумался, или, может, просто сосредоточился на дороге. Ветер к вечеру усилился, трассу заметало, пригоршнями колючего снега били по стеклу.

Но вскоре водитель заговорил.

– А я, наверное, к себе еду, в детство. Я вырос в Верюгине, но давно уже из моих там никого нет. Родителей я в город перевез, да и умерли они, я ведь поздний ребенок.

– Так к кому же едете? К родне?

– И родни там нет. А еду я к учительнице своей первой. Только она об этом не знает.

– Это ей? – Денис показал на большой сверток сзади.

Водитель кивнул.

Денис замолчал. Он почувствовал, что после этого вопроса мужчина погрузился в свои мысли, на его лбу даже появилась складка.

Запорошенный снегом лес мелькал за окном, и выглядело это так, как будто кто-то показывал сказочный фильм. Казалось, машина выехала из реальности и оказалась в необычайно философском месте, где нет ни времени, ни пространства. Наконец водитель заговорил, изли-

вая то, что копилось в его душе долго и требовало слушателя; то, что озвучить было нужно хотя бы для того, чтобы ответить на свои же вопросы.

В голове Дениса рассказ этот слился со сказочным законом.

В Верюгине школы никогда не открывали, и до сих пор ее нет. Детей обучали в соседнем селе – в Артемьево. Идти надо было километров семь, школьных автобусов тогда не было.

Зимой прямо в одном из кабинетов школы для таких, как Сергей (оказалось, это имя водителя), оборудовали спальные места. Получалось что-то вроде интерната. Домой дети возвращались только на выходные.

До школы их водила Лидия Ивановна – молодая учительница. Собирала в Верюгине, потому что сама жила в этом селе, и вела. А было детей всего трое, да и то поначалу – потом осталось только двое.

– Она и сейчас стоит перед моими глазами как живая. Девчонка совсем. Наверное, мы ее любили за человечность, за добрые помыслы, но сказать об этом не умели. Воспитаны были в какой-то ненужной мальчишеской суровости. Она нам обещала, что жизнь будет у нас другая, давала надежду и учила мечтать. Говорила, что скоро на месте нашей деревянной школы-барака построят новую, светлую, с большими окнами. Мы верили, а как не верить? Но почему-то смеялись.

В пятницу ближе к вечеру Лидия Ивановна вела детей домой. Однажды, провожая их, уборщица школы баба Варя отдала юной учительнице свою теплую пуховую шаль. Завязала, как ребенку: крест-накрест и за спину.

– Дивуюсь я на тебя, девка. Кости курячьи, а одежда – тоньше кожи. Эдак-то и настудить себя не долго. А ну-тка, надень!

Пальто у Лидии Ивановны, и правда, было хиленькое. Серое, тоненькое, с обветшалым искусственным воротником, который она всегда поднимала на ветру. Такой учительница и осталась у Сергея в памяти – обвешанная пуховой шалью, в сером пальто, с тоненькими ножками и в больших валенках.

А еще Сергей помнил, как однажды в пути из школы, когда он и Лидия Ивановна были только вдвоем, они попали в ужасную метель. Ветер бесновался, захлебывался в лесных дебрях, а потом внезапно накидывался на путников и швырял в их лица пригоршни колючего снега.

Лидия Ивановна поставила свой тяжелый портфель с тетрадками прямо в сугроб. Сняла с себя пуховую шаль и закутала ею Сергея, как малыша: крест – накрест и за спину. После стащила свои большие варежки и натянула их на ручки Сережи (в этот день он где-то потерял свои).

Прикрываясь портфелем от хлещущего по лицу ветра, она тянула мальчика за собой.

– А я вот думаю: как же продувал ее тогда насквозь этот ветер, ее хилое пальтишко, ее тонкий платок, сморщенные на коленях рейтузы! И зачем ей надо было вот так, во вред своему здоровью, заботиться о совершенно чужом ребенке?

Даже хорошим школьником я не был, учился так себе, хулиганил. В общем, обычный пацан. Да и дом свой Лидия Ивановна пропускала, когда меня провожала и, только отведя меня, возвращалась через все село.

В тот день, когда была страшная метель, Лидия Ивановна меня проводила до самой калитки. И прежде чем отпустить, сняла с моих рук свои варежки, забрала шаль, подышала на мои красные от мороза пальцы и еще дала какие-то советы на выходные. Хотя ее саму дрожь била.

А я – ни «спасибо», ни «до свидания». Это все я уже после нее научился говорить. Просто убежал домой, как будто так и надо, так и положено. Даже родители мои в благодарностях не рассыпались, не было тогда такого принято.

А теперь вот мечтать стал – рвануть бы сейчас в то время, согреть ее – девчонку совсем!

Сергей помолчал. Денис уже, было, думал, что рассказ окончен, но, оказалось, это еще не все.

– Потом мы уже постарше стали, ходили сами. Но тут как-то повезло на санях доехать. Опять вместе с Лидией Ивановной. А снега тогда насыпало немерено. И вроде дорогу до этого расчищали, а все равно лошадь встала. Провалилась ногами в сугроб – и ни туда, ни сюда, бьется, бедная. Возница ее распряг, но все никак.

Помощь нужна, лопаты. Вот и отправились мы с Митькой в деревню пешком, а Лидия с мужиком ждать помощи остались, лошадь ведь не бросишь.

Недалеко отошли, вдруг слышим – гнусавый такой утробный вой. Волки. Знали мы, что бродила тут стая не то диких собак, не то волков. Уже и скот они не раз таскали. А подвывания становились все громче, как будто окружали со всех сторон, сливались в единый звук, то приближаясь, то отдаляясь.

Мы растерялись. Что делать? Решили, что Митька в деревню побежит, а я – назад, на ручку, если что.

...Картину, которую увидел Сергей, он не забудет никогда. Мужик стоял на распряженных санях и умолял Лидию тоже лезть к нему. Бог с ней, с лошадью. Но учительница с длинной оглоблей в руках стояла перед бедным животным, ушедшим по грудь в снег. Лидия Ивановна стояла к лошади спиной, а лицом – в поле. Там черными пятнами лежали хищники. Они перебежками подбирались все ближе и ближе к саням. Выжидали.

Сергея стухнул не на шутку. Но отвязал вторую оглоблю и встал недалеко. Хрупкая, невысокая Лидия, утонув почти по пояс в снеге, выглядела совсем не угрожающе. Но она свистела и кричала, ругалась и страшила волков. Те не пугались, но и не нападали.

Сколько бы еще это продлилось и чем бы закончилось – неизвестно. Одно ясно, если б не окрики и оглобля Лидии, волки, скорее всего, уже давно подобрались бы к лошадке. Но со стороны деревни показался «уазик», и от звука машины звери заволновались и ретировались.

– Ну, Лидуха, ну ты даешь, дуреха! – потом страшился мужичок-возница – Ну, порвали б лошадь, я б отбрехался, а если б тебя? Глупая!

– Так ведь жалко лошадку-то, – спокойно отвечала Лидия Ивановна...

Давно это все было. Сейчас на месте старой школы – новая, светлая, с большими окнами. И вот в декабре Сергея пригласили туда.

– Я, вообще-то – знаменитость, герой России. На школе доску в честь меня повесили, отряд юнармейский назвали.

– Ух ты, ничего себе!

– Ну вот, приехал я туда, а там учительницей моя бывшая одноклассница работает. Спрашиваю: а где Лидия Ивановна? Она и говорит, что Лидия на пенсию ушла уже. Она ведь ненамного старше нас, лет на пятнадцать всего. Детей у нее не было, не родились. Муж умер. Одноклассница говорит, что теперь, видно, скучает Лидия Ивановна по школе. Начала сдавать в последнее время.

Одноклассница показала Сергею фото на телефоне – недавно они ходили поздравлять бывшую коллегу с Днем рождения. Лидия Ивановна стоит во дворе – и, как показалось Сергею, одета все в то же серенькое пальто. Этого, конечно, не могло быть...

Уехал он тогда с грустными мыслями. И все думал, думал...

– В честь кого и надо открывать памятные доски в школе, так это в честь таких вот учителей, как моя Лидия Ивановна, – сказал мужчина, глядя на дорогу. И потом рассказал еще кое-что.

Недавно Сергей поехал покупать жене шубу. И вдруг понял – если он сейчас этого не сделает, то потом никогда себе не простит.

– Слушай, Вероника. Ты помнишь, я рассказывал тебе о Лидии Ивановне? Так вот... А что, если...

И было у Сергея что-то такое в глазах, что жена, посмотрев на него, все поняла. Надо, иначе будет жалеть всю жизнь.

– А с размером как? – подсказала она.

Сергей позвонил однокласснице, попросил прикинуть размер, и выходили они из магазина уже с двумя шубами. Жена видела, как загорелись глаза Сергея, как важен для него был этот шаг в прошлое...

...Денис очнулся только тогда, когда Сергей начал тормозить у остановки в Малашевке.

– А тебя где высадить, брат?

– Вон там, если можно, через пару проездов.

Выходя, Денис спросил об оплате, Сергей махнул рукой.

– Спасибо вам! И не только за дорогу, за рассказ ваш спасибо. Я теперь о вас только и буду думать и о вашей Лидии Ивановне. Я ведь на журналиста учусь. Вы прямо идею для дипломного рассказа мне подарили.

Они тепло попрощались.

Сергею осталось полчаса езды.

Лидия Ивановна не слышала от него слов благодарности в детстве, не слышала их и потом, жизнь закрутила и разнесла их по разным концам земли. Да и сейчас Сергей не превратился в мастера красиво говорить, но Лидия должна была почувствовать его благодарность и любовь, хотя бы так, без торжественных речей, просто через тепло натурального меха.

Как и он почувствовал тогда любовь через пуховую шаль, через тепло ее дыхания на своих раскрасневшихся руках.

Сергей прибавил газу. Хотелось приехать быстрее.

Простить сына

Напряжение в зале суда нарастало. Долго не появлялась судья. Вот уже третий раз велось слушание по делу кражи из маленького придорожного магазина.

Надежда вынесла эти три трудных дня и сейчас стойко ждала приговора сыну. Судили троих. Все матери были тут. Они не подружились. Вернее, матери других двоих сблизились, а Надежда с ними – нет. Мешала разница во взглядах на ход дела.

Те две из всех своих материнских сил защищали сыновей, их глаза не видели, а уши – не слышали свидетельства и доказательства вины парней. Матери спорили и плакали, ругались и упорно отстаивали интересы своих детей. И если все это нельзя было делать в зале, то в перерывах в коридоре их злость и обида превращались в настоящую эмоциональную бурю.

Надежда молчала. Один лишь раз она посмотрела в глаза сыну. Взгляды встретились, он не выдержал, глаза опустил.

Она внимательно слушала свидетельства, наблюдала за пострадавшими. Как будто бы сама проводила следствие и выносила свой внутренний приговор.

Что с ней не так? Почему не кричат в ней материнские силы, защищая сына? Почему она винит и себя? Не воспитали... Просмотрели...

Трое пьяных парней вломились в закрывающийся уже магазин, где находились двое: пожилая уборщица и совсем молоденькая девочка-продавщица.

А дальше... Один избил уборщицу, пытающуюся выгнать пьяных грабителей, бил ногами, нанес серьезные увечья, второй – толкнул девушку-продавщицу так, что та ударилась головой об пол и заработала себе сотрясение.

Этот второй и был сын Надежды – Константин. Парни набрали в магазине водки и закуски и, пригрозив женщинам, что прирежут их, если те пожалуются в полицию, удалились.

Надежда в суде была с дочерью Олесей – старшей сестрой Кости. Отец, муж Надежды, слава Богу, до этого позора не дожил.

Константин вину признал, но утверждал, что ничего из произошедшего не помнит, так как был очень пьян. Такая тактика защиты давно известна и прокурорам, и судьям. Ему не верили. Не хотела верить и мать.

Только Олеся, сестра, сомневалась. Не мог Костя на трезвую голову девушку ударить, он не так воспитан! Разве что был тогда пьян до невменяемого состояния и, правда, себя не помнил.

Надежде было все равно – он виноват, и точка.

В зале суда уже началась суeta. Кто-то сказал, что, возможно, оглашение перенесут на завтра. Все стали возмущаться. Но уже через несколько минут в зал быстрым шагом вошла судья.

Пять, три и год заключения присудили каждому из троих. Константину – три года лишения свободы. Ну, и выплату ущерба, конечно.

– За что так много! – кричали матери других осужденных.

«Мало», – подумала Надежда.

Константин нашел глазами в зале мать, но та даже не смотрела на него. Она стояла прямо, как столб, с каменным лицом.

«Она никогда не простит!» – подумал Костя. И это угнетало даже сильнее назначенного тюремного срока.

* * *

– Костя, ты можешь совершить ошибку, дурной поступок, но никогда не ври! Сознайся и исправь! Будь честен перед собой!

Так учила его мать, когда он был еще школьником. Мать всегда стояла за правду. Нет, она не была деспотичной, не ругала за легкие шалости, но когда дело касалось серьезных проступков – да, вот тогда становилась жестка. Такие уж принципы. И Костя их уважал, знал, что мать не потерпит слабости, лжи и лени. У нее не прокатит. Таков же и отец: даже словом обидеть женщину для него считалось преступлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.